

Юлия Бердникова

**В СМЕРТЬ
НЕ УБЕЖИШЬ**

18+

Юлия Леонидовна Бердникова

В смерть не убежишь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50407288

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-07859-8

Аннотация

Эзотерическая повесть в жанре фэнтези. Начало XXI века. Извечное противостояние добра и зла нарушено вмешательством третьей силы, могущественных шаргов, пришедших из глубин космоса. Они питаются энергией человеческих страданий. Для борьбы с ними в Надземном мире создан отряд хранителей. Люди на Земле, не зная об этом, живут обычной жизнью.

Беды в жизни Вадима пошли косяком. Сначала украли любимую гитару, потом случайная знакомая обчистила квартиру, и, наконец, влюбился в собственную сестру. Талантливый музыкант решил, что самоубийство – единственный выход. Но оказалось, что это – вход. Станным образом дальнейшая судьба его зависит теперь от женщины с необычным именем, наделенной сверхъестественными способностями, хотя они никогда с ней не встретятся.

Янта с детства живет в двух мирах, сновидения и реальность причудливо переплетаются. Она, в свою очередь, не подозревает, к чему приведет случайная связь с незнакомым мужчиной.

Шарги начинают свою охоту на героев...

Содержание

Глава 1. Вадим	4
Глава 2. Янта	12
Глава 3. Вадим	16
Глава 4. Янта	20
Глава 5. Вадим	24
Глава 6. Янта	30
Глава 7. Вадим	34
Глава 8. Где-то вне времени и пространства	40
Глава 9. Янта	44
Глава 10. Вадим	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Юлия Бердникова

В смерть не убежишь

Глава 1. Вадим

Это было всегда. Так ему казалось. Он не знал, кто он, что он собой представляет, у него не было имени, не было прошлого, будущего. Было только настоящее, в котором тоже ничего не было. Лишь бесконечный белый туман, в котором он находился, то растворяясь в нем, то снова выделяя себя как нечто иное.

Вспышки осознания были болезненны, ему казалось, что он должен что-то вспомнить, но что? Постепенно стали появляться сны. Сны – первое слово, которое он вспомнил. Они повторялись и никогда ничего не проясняли. В этих снах он двигался, плыл, каждый раз приближаясь к одному и тому же месту. Он знал, что там царит ужас, но его неудержимо влекло туда.

Потом он почувствовал, что стремительно несется сквозь этот туман, как ему казалось, вниз, потом так же стремительно взмывает вверх. Хотя направления вниз и вверх были весьма условны. Он не ощущал ни своего тела, ни рук, ни ног. Он был сгустком энергии, несущейся неведомо откуда неведомо куда. И заканчивалось все одинаково: он испы-

тывал невероятную, непереносимую душевную боль, страх, отчаяние. После вспышки боли на миг возникала картинка: кровавая человеческая клякса на грязно-сером асфальтовом дне двора. Потом следовал провал в сознании, затем все повторялось. Это происходило бесчисленное количество раз. Это было с ним как будто всегда. И ничего не осталось, кроме этого.

Постепенно, когда, казалось, прошло много веков, дней и лет, вспомнились другие слова: дом, дорога, дерево, темнота, мама, музыка, сестра. Проплывали смутные образы, картинки, похожие на тени этих слов. После того как картинка становилась четкой, следовала вспышка света и мгновенное возвращение в кокон тумана. Постепенно он пришел к выводу, что с ним случилось что-то такое, чего он не в силах понять.

Когда чередование боли, падений и взлетов, отчаяния и смутных образов, желания понять происходящее стало нестерпимым, он взмолился о помощи. Он не знал, кого зовёт, он просто беззвучно кричал: «Услышь меня, кто-нибудь! Услышь меня!» И кто-то услышал, и появился. Это был друг. По крайней мере, он излучал тепло и свет. Рядом с ним было спокойно. Он выглядел как человек, только за спиной в разные стороны расходились шесть лучей. На нем была легкая облегающая одежда вроде комбинезона светло-серого цвета. Откуда-то из глубин памяти возникло детское, бабушкино: Шестикрылый Серафим.

– Да, меня зовут Серафим, – беззвучно сказал друг.

– А кто я? – спросил Вадим.

– Ты – человек.

– Что со мной?

– Ты здесь.

– Где?

– Мы называем это место междумирье или полустанок.

Здесь находятся те, кто не может двигаться дальше. Называй меня просто Сим.

– Хорошо. Расскажи мне все. Я... умер? Как странно говорить это о себе. Подожди... Я, кажется, знаю, как меня зовут... или... звали? Тьфу, запутался совсем. В общем, я – Вадим. Мне восемнадцать. А ты кто?

– Я буду с тобой, пока ты во мне нуждаешься.

– А почему я не могу двигаться дальше?

– Ты нарушил закон.

– Какой закон?

– Нельзя отнимать жизнь.

– Я, что... убил кого-то?

– Да. Себя.

Вспышка воспоминания была очень болезненной. Он снова летел куда-то, кувыркаясь, бесконечно падал, не в силах ничего сделать. Волны жара сменялись спазмами ледяного холода, иногда тысячи игл кололи все тело, иногда накатывала тошнота. И все это длилось, длилось, длилось бесконечно долго. И в конце пути он снова увидел четкую картину, как

будто смотрел откуда-то сверху: серый и грязный двор, на асфальте изломанное и неестественно вывернутое человеческое тело в луже крови. С ужасом, понимая, что это он сам, Вадим отчаянно завопил: “Си-и-и-м!”, – и перестал что-либо ощущать.

Когда он очнулся, мир вокруг изменился. Он уже не плавал в белом тумане, а лежал на мягкой траве. Серафим по-прежнему был рядом. Они находились на лесной поляне, вокруг росли березы, клены, дубы. Вадим пошевелился, ощутил и увидел, наконец, свои руки, ноги, тело. На нем была привычная одежда: джинсы и синяя футболка, на ногах старые кроссовки. Юноша осмотрел себя и убедился, что с телом все в порядке. Удивило то, что куда-то пропал старый детский шрам чуть ниже локтя, след падения с велосипеда. Тогда он сильно рассек руку об ограду газона. А сейчас кожа на этом месте была чистой и гладкой, как будто и не было никогда шрама. Неожиданно он вспомнил, что реально погиб, упав с крыши дома. И его пробила крупная дрожь.

– Как ты? – спросил Сим.

– Хреново.

– Я думал, ты не выдержишь. Не все могут перенести воспоминания.

Вадиму было так худо, что говорить не хотелось. Он уткнулся лицом в траву и долго лежал молча. Сколько это продолжалось, он не знал. Времени не было. Наконец он поднял голову, встряхнулся и сел. Серафим спокойно смотрел

на него.

– Слушай, у тебя что, других дел нет, кроме как торчать тут со мной? – спросил Вадим, стараясь быть вежливым.

– Ты и есть мое дело.

– Значит ты – мой ангел-хранитель.

Сим откинул голову назад и засмеялся. Когда он смеялся, его лицо слегка светилось и менялось, как пламя под порывом ветра. Вадим некоторое время с интересом наблюдал за ним, потом спросил:

– Это ты меня сюда притащил?

– Каждый приходит сам туда, куда он должен прийти.

– Я могу уйти отсюда?

– Ты сможешь идти дальше.

Вадим вскочил и направился к краю поляны. Дойдя до первых деревьев, он с ужасом обнаружил, что дальше ничего нет. Во все стороны, вверх и вниз простирался все тот же белый туман. Обойдя поляну по периметру и поняв, что она представляет собой что-то вроде островка в ватном океане тумана, он вернулся в центр, уселся и мрачно уставился на своего единственного собеседника. Тот внимательно смотрел на Вадима, и улыбался. Вадим ощутил приступ ярости и закричал, сжимая кулаки:

– Слушай, что ты мне голову морочишь? То закон нарушил, то можешь идти дальше. Куда идти? В молоко это?! Что мне делать?! Скажи, раз ты ангел!

– Нет, – возмутился Сим. – Я не говорил, что я – ангел.

Это ты придумал.

– Да, а кто же ты тогда? Прилетел, сияешь тут, светишься, сидишь со мной...

– Я – человек.

– Ага. Так я и поверил. Слушай, может ты – инопланетянин?

– Да нет же, – терпеливо сказал Сим. – Я человек на следующем уровне развития. Все люди эволюционируют, продвигаясь от жизни к жизни.

– Ну, хорошо, – согласился Вадим, – если я умер, то где длинный темный тоннель, светящееся существо, бесконечно мудрое и доброе, встречающее меня? Где толпа радостных, жаждущих общения прапрабабушек и прапрадедушек? Где все то, о чем написано в воспоминаниях людей, переживших клиническую смерть?

– А, ты об этом...

Серафим смущенно потер переносицу и некоторое время молчал, как бы обдумывая, что сказать дальше.

– Понимаешь, для тех, кто сам лишил себя жизни, такого не полагается. Портал схлопывается практически мгновенно, и ты попадаешь в междумирье, и ждешь в бессознательном состоянии следующего воплощения, в котором будешь повторять все сначала. Правда условия нового воплощения будут намного труднее.

– Но я очнулся, вспомнил себя. Потом ты появился. Что со мной будет дальше?

– Я появился потому, что ты позвал. Право на зов и помощь получают только те, кто в последний момент передумал. То есть самоубийство происходит по непреодолимому стечению кармических обстоятельств, но намерение отменено. А чтобы идти дальше, ты должен вспоминать и получать знания. Надо пройти некий опыт, вроде «разбора полетов».

Внезапно Сим сосредоточился на чем-то и как будто отключился от разговора. Взгляд его стал рассеянным и отсутствующим. Он выглядел так, словно прислушивался к чему-то внутри себя. Вадим тоже прислушался и уловил отрывок фразы, прозвучавшей прямо у него в голове. «Прорыв на пятом уровне! Массовый! Нужны все! Повторяю, нужны все свободные!» Голос был мужской, хриплый, задыхающийся. Сим вскочил, и Вадим с удивлением увидел, как простой серый комбинезон мужчины мгновенно преобразился, превратившись в нечто вроде доспехов. Блестящая с металлическим отливом чешуйчатая ткань облегла тело, не стесняя движений. Поверх нее появился кожаный жилет с металлическими заклепками. На голове образовалось что-то вроде шлема с прозрачным щитком, закрывающим лицо. На плечах, локтях и коленях появились дополнительные накладки, а в руках блеснули два длинных клинка, сияющих, как пламя. В голове Вадима возникла аналогия с фильмом «Горец»*. Крикнув, что вернется, и чтобы Вадим никуда не двигался, Сим исчез, буквально растворившись в пространстве.

*«Горец» – фантастический художественный фильм ре-

жиссера Рассела Малкэхи, снятый в 1986 году, с Кристофером Ламбертом в главной роли, завоевавший зрительские симпатии по всему миру, и быстро ставший культовым. (Примеч. автора.)

«Куда же я отсюда денусь», – невесело подумал Вадим.

Глава 2. Янта

«Все у меня хорошо. Жизнь удалась. Я умна, красива, даже талантлива. Работа хорошая, я – крупный специалист в своей области. Дом, дети, все есть. Правда, разведена, но это поправимо. Мужчинам нравлюсь. Чего же мне не хватает? Что меня томит постоянно? Что мучает? Куда влечет, куда зовут неслышные для других колокольчики?» —такие мысли крутились в голове молодой женщины, сидящей в третьем ряду громадного, заполненного людьми конференц-зала.

Звуки Янта слышала с детства. Иногда это было похоже на колокольный звон, иногда на звучание неведомых музыкальных инструментов. Иногда это было как далекое пение нежных голосов. Она еще ребенком видела в воздухе то, чего не видели другие: прозрачные или радужные пузырьки и искорки, роящиеся и плавающие как живые существа. Как-то сказала об этом маме. Мама заметно обеспокоилась, повела к окулисту, проверили зрение, выписали очки, но пузырьки от этого не исчезли.

– Я молекулы вижу, – любила говорить гостям маленькая Янта и серьезно описывала увиденные танцы пузырьков, не понимая, отчего на лицах взрослых появляется недоумение или испуг. Становясь старше, поняла, что и музыку слышит только она, и в основном в одиночестве.

Вокруг раздались аплодисменты. Янта очнулась от воспо-

минаний и захлопала вместе со всеми. Конференция закончилась, докладчик спускался со сцены. Огромный конференц-зал ожил, зашумел и загудел, как встревоженный улей. Подходил к концу еще один длинный день. Вечером должен был состояться банкет. Правда, как предполагала Янта, сначала будет несколько пристойных хвалебно-благодарственных тостов в адрес организаторов конференции, затем все остепененные и не очень остепененные званиями мужчины быстро напьются и начнут неприлично лапать своих коллег женского пола. Коллеги женского пола будут неумело и оттого омерзительно откровенно демонстрировать свои сексуальные желания и готовность отдаться кому угодно и где угодно. В общем, все как обычно на таких мероприятиях, где вырвавшиеся из домашней неволи ученые мужи и неудовлетворенные одинокие ученые дамы могут безнаказанно получить все оргиастические удовольствия.

В общем, печальненько. Перспектива не радует. Но на банкет придется пойти, иначе предстоит совсем уж одинокий командировочный вечер в чужом городе.

Янта вернулась в гостиницу, благо она была расположена совсем рядом с местом проведения конференции, приняла душ. Затем переоделась в вечернее платье, покрутилась перед кривым гостиничным зеркалом, тщательно нанесла помаду и тушь, чуть тронула тенями веки. Из зеркала смотрела на нее эффектная молодая женщина на вид не более тридцати лет. Хотя Янте было уже тридцать шесть, но она всегда

выглядела моложе.

Раньше ее это огорчало, потому что никто не принимал ее всерьез. Однажды, когда она уже родила второго сына, почтальон, принесший телеграмму, сказал ей: «Девочка, позови маму, пусть за телеграмму распишется». На что она возмущенно воскликнула: «Я уже сама дважды мама!» Но дошлый почтальон, пожилой дядька, заставил ее предъявить паспорт и только после этого отдал телеграмму. Потом она оценила это преимущество и перестала расстраиваться из-за своего чересчур юного вида.

Полюбовалась на себя и еще раз убедилась, что прекрасна, как никогда. Янта действительно выгодно отличалась от других женщин каким-то особым врожденным шармом, умением держаться в обществе с царственным и в то же время непринужденным видом. Получалось у нее это легко и естественно. Плюс к этому прекрасная фигура, длинные стройные ноги, густые и блестящие волосы цвета лесного ореха. А еще у нее были удивительные глаза. При дневном свете обычно серые, при разном освещении и под разный цвет одежды они меняли оттенки от голубого до пронзительно зеленого. Четко очерченные, красивой формы губы, мягкая линия подбородка делали ее еще более очаровательной.

В процессе сборов Янта перебрала в уме всех присутствовавших на конференции мужчин и решила, что на приятный вечер с умной беседой и легким, утонченным флиртом рассчитывать не приходится. Что ж, хотя бы поужинаю шикар-

но, решила она и отправилась на банкет.

Глава 3. Вадим

Вадим чувствовал себя раздавленным, опустошенным, выжатым. Отчаяние затопило его, безысходность и безнадежность обнимали и душили своими серыми крыльями. «Лучше бы умереть», – подумалось ему. И сразу же пришла другая мысль: «Что за бред. Ведь я уже умер».

Горько и больно понимать, что так много растрачено впустую времени, сил, таланта. А талант был. Теперь это известно совершенно точно. Оказывается, он действительно обладал уникальным голосом и слухом. Его песни могли омыwać людей как горная роса, очищать их души. Такой голос появляется на Земле один раз в тысячу лет. Последнего, кого люди помнили с подобным голосом, звали Орфей*.

*Орфей – персонаж древнегреческой мифологии, фракийский певец, обладавший чарующим голосом, сын одного из богов и музыки Калиопы. По преданию он спустился за своей любимой – Эвридикой – в царство мертвых. Считается создателем музыки и стихосложения. (Примеч. автора.)

Вадим вспоминал. Это было мучительно. Но это было неизбежно, так объяснил Сим. Жизнь – как невыученный экзамен. Если не сдал, надо сдавать заново. Все религии мира осуждали самоубийство. Свой путь должен пройти каждый. Смалодушничал, свернул с дороги, сбежал от жизни, и тебя, как нашкодившего щенка, вернут обратно, ткнут носом в то

же дерьмо, это – твое, разгребай.

Сим часто оказывался рядом, и его поведение поначалу раздражало Вадима. Он сидел и не проявлял инициативы ни в чем. Говорил только тогда, когда Вадим задавал вопрос. Его ответы были очень скупы и содержали лишь малопонятный намек. До всего приходилось доходить самому. Но постепенно Вадиму стали нравиться эти беседы. Тем более что других занятий и не предлагалось. Вадим не испытывал ни голода, ни жажды, ни каких-то других потребностей. Это поначалу не удивляло. Иногда он спал и видел сны, но почти не помнил их. Вспоминать, осмыслять, задавать вопросы и искать ответы, находясь в безвременье, стало единственным смыслом бытия. Предметом исследования была жизнь Вадима.

– А как же ад? Я должен был попасть в ад.

– Ну какой ад? Каждый сам создает свой ад, на Земле, или в другом месте, я тебе потом объясню, — терпеливо сказал Сим.

– Значит ад – это такое маленькое персональное пространство, наполненное твоей собственной мерзостью. Хотя иногда в твой личный ад попадают другие люди и мучаются. Или ты их мучаешь, или они тебя. Я свой ад ношу с собой. Ха-ха. Очень смешно. А как же прошлые жизни? Я что-то ничего не помню.

– Ты не можешь помнить, пока не изжита последняя. Ты прервал ее, не выполнив предназначения. Вспоминай, ду-

май, учись.

– Ты хотя бы объясни, как это получается, что я разбился там, на Земле, вдребезги, а здесь я опять целый? И почему я ничего не ем, и в туалет не хочется? А как мы разговариваем? Я тебя то в голове слышу, то обычным слухом? Да у меня столько вопросов уже накопилось, – возмущенно заговорил Вадим.

– Экий ты быстрый. И любопытный, – с улыбкой ответил Серафим. – Ну, ладно, слушай. Твое физическое, то есть плотное тело осталось на Земле. Оно искалечено и кремировано, похоронено, как полагается по обычаям твоего времени. И твоя мать ходит плакать на твою могилу. Здесь действует тонкоматериальное тело, энергетическое. Понимаешь? После смерти человек автоматически принимает форму физического тела своего последнего воплощения. Потому что он к ней привык. Но оно не материально, то есть не такое плотное.

– Как же не материально?

Вадим ущипнул себя за руку и поморщился, потом подергал за волосы, шмыгнул носом, дал сам себе подзатыльник.

– Ведь я все это чувствую телом.

– Это иллюзии ощущений, сохранившиеся в матрице памяти. Ты чувствуешь то, что, как ты думаешь, должен чувствовать. Кстати, у тебя, благодаря абсолютному слуху, хорошие способности к мысленному общению. Ты легко и свободно, безо всякого обучения переходишь с мысленной речи

на обычную и обратно. И даже не замечаешь этого. Обычно люди вынуждены этому обучаться специально, и не у всех сразу получается. А еда и питье здесь не нужны, мы восполняем энергию напрямую. Когда ты спишь, твое тело берет энергию из окружающего пространства. Соответственно и вывода отходов не предусмотрено, потому что их нет. Ладно, мне пора. Осмыслий дальше, исследователь.

– А чем ты вообще занимаешься, кроме меня? – успел спросить Вадим.

– Я из Отряда Хранителей Талантов. Оберегаю таких, как ты, а в свободное время немножко сражаюсь со всякой нечистью, – усмехнулся Сим, и исчез в портале.

Глава 4. Янта

Янта вышла из гостиницы в теплый майский вечер, разглядывая пригласительный билет на банкет. Да-а, вот это загнули организаторы конференции! Банкет, оказывается, имел честь состояться не где-нибудь, а в главном ресторанном зале шведского консульства. Адрес был незнакомый, и пройдя немного по улице, Янта все же решила взять такси. Она чувствовала себя несколько неловко в длинном черном платье с разрезом до бедра, на высоких шпильках и с вечерним макияжем. Тем паче, что вокруг шли прохожие в футболках и джинсах, тапочках и кедах. Было около пяти часов вечера, еще не темно, светило солнце. Банкет начинался в шесть.

Две женщины проводили ее явно осуждающим взглядом. Мелькнула дурацкая мысль: «Наверное, за проститутку приняли или, как принято говорить в культурной среде, ночную бабочку». Еще бы, выпорхнула из гостиницы, вся такая красавица, налегке. А они, бедные, с авоськами с работы прутся. Янта свернула за угол и подошла к краю тротуара, собираясь поймать такси. Она простояла минут пятнадцать, помахивая рукой, но ни одна машина даже не притормозила. Никто ее как будто не замечал. Зря, наверное, отказалась от услуг портье, он бы вызвал такси прямо к гостинице.

Возвращаться все же не хотелось, отошла уже порядочно.

Как-то вдруг и машины пропали. Проезжая часть оказалась пуста. Покрутив головой, Янта обнаружила, что и прохожие куда-то делись. Она стояла совершенно одна на пустой улице, только откуда-то из-за дома слышались визгливые крики детей. Взглянула на часы: «Ох, ты! Уже половина шестого! Так и опоздать недолго». Янта уже собиралась вернуться к гостинице, но тут из-за угла показалась черная тачка. Именно «тачка», потому что назвать машиной это сооружение язык не поворачивался. Казалось, она была собрана из множества частей от разных машин и с размахом покрашена в черный цвет. Но вид имела внушительный, так как нижняя часть с колесами была явно от джипа. Машина причалила к тротуару рядом с Янткой и загадочно приоткрыла дверцу.

Янта медленно попятилась, не спуская глаз с подозрительного авто. Неожиданно распахнулась дверца со стороны водителя, и оттуда вальяжно вылез жгучий брюнет в белой рубашке и черных брюках. Довершали это великолепие черные лакированные и очень длинноносые туфли. «И как он в таких ботинках ходит, да еще и за рулем сидит?» – успела подумать Янта, продолжая свое тактическое отступление.

– Куда идешь, да-ра-гой? Подожди немного, э? Доставим, куда хочешь, – ласково пропел мужчина, разводя руки в стороны, как будто для объятий.

В это же время открылись две задние дверцы и оттуда синхронно полезли еще два молодца, точные копии первого. «Тройняшки, что ли?» – мелькнуло в голове у женщины.

Нет, Янта, воспитанная в Советском Союзе, никогда не была против дружбы народов. Но инстинкт самосохранения буквально завопил о том, что надо бежать, и как можно скорее. Она развернулась и, сделав три шага, провалилась шпилькой в трещину возле канализационного люка. И, что самое ужасное, шпилька там прочно застряла. Янта дернула ногой в попытке вырваться, платье услужливо распахнулось по разрезу до самого «не балуйся», вызвав шквал восклицаний и восхищенных междометий у мужчин. Они даже остановились, чтобы полюбоваться получше открывшимся зрелищем.

Каблук застрял прочно, туфли-босоножки с ремешком, быстро не скинешь. Народу вокруг по-прежнему не было. В голове замелькали жуткие истории об изнасилованных и убитых девушках. Янта вспомнила, что в таких случаях лучше не кричать: «Убивают! Спасите!» Никто не придет. Надо кричать: «Пожар!» Тогда все сбегутся посмотреть. Присев на корточки, не обращая внимания на обнажившиеся полностью ноги, Янта судорожно расстегивала туфли, с ужасом понимая, что не успевает, и пыталась одновременно читать молитву.

Далее все происходило так, как показывают обычно в американских фильмах: в последний момент пришло спасение. Из-за угла вылетела синяя Тойота, с визгом затормозила, и к Янте подбежал молодой мужчина. Она не успела ничего понять, как он, дернув ее за щиколотку, освободил ногу, далее

молча поволок за руку в свою машину. Брюнеты, онемев от изумления, наблюдали за происходящим, хотя один из них медленно полез в задний карман брюк, нехорошо прищурившись при этом. Мужчина буквально втолкнул Янту на переднее сиденье, крикнув:

– Пристегивайся! Быстро!

Затем, обогнув машину, сел за руль и рванул с места.

Глава 5. Вадим

Вадим вспоминал и вспоминал свою жизнь. Казалось, что он смотрит какой-то многосерийный фильм с самим собой в главной роли. Некоторые серии были совсем коротенькие, что-то про детство, как картинки, некоторые длинные, многочасовые. Кое-какие сцены повторялись неоднократно, показывая себя с разных ракурсов и выявляя неожиданные, скрытые ранее значения.

Вадиму было пять лет, когда разошлись родители. Мать не выдержала бесконечных измен отца, который был неутолим в поиске новых партнерш. Он даже не скрывал этого. Ему доставляло извращенное удовольствие сталкивать своих многочисленных любовниц между собой и наблюдать сцены ревности и выяснение отношений между ними. Все, что льется, должно питься, все, что шевелится, должно трепетать в моих объятиях. Слишком рано Вадим услышал этот девиз от отца.

Неожиданным оказалось одно из детских воспоминаний. Вот он стоит перед высоким столом и смотрит туда, вверх. А на столе огромное блюдо с вишнями. Он знает, что мама сказала не трогать вишни, пока она не даст. Но так хочется! Так мучительно сладко пахнут эти вишни, так завлекательно поблескивают их темно-красные тугие щечки! Рот ребенка наполнился слюной предвкушения. Картинка застыла как

стоп-кадр, и Вадим понял, что это не стол огромен и высок, а он сам маленький совсем, года три с половиной.

Какой странный способ вспоминать. Одновременно наблюдать со стороны и находиться внутри сцены. Понимать, и осознавать, и анализировать происходящее, получая кучу новой информации относительно всех событий и ситуаций, и тут же испытывать все чувства главного героя, которым сам же и являешься. Как будто внутри тебя происходят два параллельных процесса, и ты воспринимаешь себя тогдашнего и себя наблюдателя с одинаковой силой и яркостью.

Не выдержав соблазна, маленький Вадим, привстав на цыпочки и цепляясь за скатерть, пытается стянуть с блюда пару ягод. Больше у него просто не поместилось в руке. Разумеется, все закончилось грандиозным падением вместе со скатертью и вишнями. Миг свободного полета, и вот он уже лежит возле стола, на него лавиной низвергается поток вишен и в завершение его припечатывает к полу огромным фаянсовым блюдом. «Хорошо, что не по голове, а то был бы сейчас дурачком», – думает Вадим-наблюдатель. Ребенок сначала лежит неподвижно и тихо, переживая шок от случившегося.

На шум прибегает бабушка, за ней мама. Они причитают, всплескивают руками, их лица злобно перекошены. Бабушка тащит за руку внука, мама пытается спасти ягоды, отчего ее руки вмиг покрываются липким соком и становятся красными, как будто окровавленными. Вадим упирается, и бабушка в сердцах дает ему подзатыльник. Мальчик спотыкается

и снова падает на пол, открывает рот и внезапно заходится в беззвучном крике. Его лицо синеет, как от удушья. Он испуган всем произошедшим и реакцией взрослых настолько, что после этого неделю пролежал в постели с высокой температурой и потерял голос. Вадим не разговаривал ни с кем даже шепотом целых три месяца. Его водили по лучшим врачам, светилам науки. Но все профессора оказались бессильны. Постановили, что потеря голоса является стрессовой реакцией на пережитый испуг и велели родителям уповать на время, и ничем не беспокоить и не волновать ребенка.

Через три месяца голос вернулся, и совершенно неожиданно для всех Вадим стал просить, чтобы его обучали пению. Никто не мог понять, откуда у четырехлетнего ребенка такая блажь. В семье музыкой и пением никто не увлекался. Измученная настойчивым нытьем, мама отвела мальчика к учителю музыки. Тот был слегка удивлен малым возрастом ученика, но, проверив его, вынес вердикт: абсолютный слух и необыкновенно широкий для такого маленького мальчика диапазон голоса. Учитель, заинтересовавшись способностями Вадима, согласился заниматься с ним практически бесплатно, вспоминая при этом историю маленького Моцарта, который тоже очень рано проявил свои музыкальные способности.

Семья Вадима жила тогда в небольшом военном городке на юге Советского Союза. Отец был военным врачом. Уже через несколько недель занятий с учителем мальчик выучил

ноты и тексты многих песен. Вернее, ноты ему были как бы и не нужны. Ни один праздник не обходился теперь без выступления юного дарования. Его стали ласково называть «наш Робертино»*.

*Робертино Лоретти итальянский мальчик-певец, начавший выступать очень рано, и в десять лет уже прославившийся по всему миру. В 60–70-е годы был очень популярен в Советском Союзе. Обладатель уникального по чистоте и звучанию так называемого «белого голоса». (*Примеч. автора.*)

Со временем Вадим стал местной знаменитостью. Многие говорили, что его пение оказывает волшебное, исцеляющее действие и на тело, и на душу.

Вадим очнулся от воспоминаний, разминая слегка затекшее тело, которое иногда ощущалось как вполне физический объект, прошелся по поляне в поисках Сима. Надо сказать, что по мере того как Вадим занимался воспоминаниями, окружающее его пространство менялось, расширяясь и пополняясь новыми деталями пейзажа. Теперь это была не просто поляна, а кусочек леса с отрезком журчащего ручья и небольшим домиком на манер охотничьего. Хотя зачем тут домик, было непонятно, погода стояла все время хорошая. Но по старой земной привычке было удобно и приятно спать в настоящей постели, а не свернувшись калачиком на травке.

Домик состоял из небольших сеней, где стояли лавка и сундук, просторной кухни с русской печкой, овальным деревянным столом и стульями, и небольшой смежной комнат-

ки с кроватью. Везде на полу были положены деревенские половики-дорожки, белые с лиственным узором занавески создавали ощущение уюта. Вадиму казалось, что все это он уже где-то видел, но вспомнить где, пока не мог. На кухне висело небольшое зеркало. Разглядев себя в нем, Вадим не нашел никаких изменений. Из зеркала на него смотрел черноволосый симпатичный юноша с карими глазами, широкими скулами, четко очерченными губами. Волосы сзади и с боков подстрижены довольно коротко, длинная челка падает на лоб.

Сим нашелся на берегу ручья и выглядел слегка обеспокоенным. Вадим присел рядом, рассказал последнее воспоминание и спросил:

– Так это у меня голос появился, когда меня в детстве блюдом с вишнями шарахнуло? А мне не так все рассказывали. Говорили, что папа самоотверженно занимался со мной пением и развил мой талант.

Сим ответил, не глядя на него:

– Нет, конечно. Голос у тебя не от удара блюдом появился и не папиными стараниями. Твой дар был заложен и заслужен всеми прежними воплощениями. Просто история с вишнями послужила толчком, чтобы он проявился. А остальное уже детали.

Далее он добавил совсем уже непонятное: «Что загадано, должно свершиться. Сроки меняются, предназначение остается неизменным. Только бы нам успеть. Я немного вмешал-

ся в события».

Глава 6. Янта

Янта некоторое время сидела молча, приходя в себя. Спаситель выдернул ее из опасной ситуации как репку из грядки. Потому, наверное, она себя репкой и чувствовала, ни эмоции, ни мысли не включались. Сначала она беспокойно оглядывалась, ожидая погони, но странная размытость пейзажа за окном не давала ничего разглядеть, слегка закружилась голова, и Янта закрыла глаза.

По ощущениям они ехали довольно быстро и несколько раз круто поворачивали, затем машина плавно затормозила и остановилась.

Янта открыла глаза и очумело помотала головой. Машина стояла у тротуара, по которому шли люди, с другой стороны проезжали машины. Ничего необычного, городская улица. Даже погода не успела измениться, по-прежнему ярко светило солнце. Янта, наконец, посмотрела на своего спасителя. За рулем сидел обычный парень, скорее даже молодой мужчина лет тридцати пяти, как говорят, спортивного телосложения, не Шварценеггер, конечно, но совсем даже ничего. Рельеф мускулатуры четко прорисовывался под пиджаком. Одет был мужчина весьма элегантно и не без изысканности: в темно-вишневый костюм из дорогой ткани, рубашку на несколько тонов светлее и еще более светлый, но той же цветовой гаммы галстук. Из нагрудного кармашка выгля-

дывал уголок белоснежного платочка.

Янта поймала себя на том, что засмотрелась на его крепкие плечи, и что-то сладко сжалось внутри. «Должно быть, хорошо, когда тебя обнимают такие сильные руки», – промелькнула неуместная мысль. Лицо у него было гладко выбритое, приятное, с прямым тонким носом, красиво очерченными губами. Глаза достаточно большие. Цвет глаз было не рассмотреть из-за яркого солнечного освещения, но ресницы шикарные, любая девушка обзавидуется. И еще Янте на мгновение показалось, что глаза мужчины мерцают и светятся, как у кота в темном помещении. Светло-русые, довольно длинные волосы были собраны сзади в низкий хвост.

Мужчина тепло и открыто улыбнулся, и сказал:

– Извините, если напугал вас. Но мне показалось, что вам нужна помощь. Давайте знакомиться. Меня зовут Серафим.

Янта запоздало и растерянно попыталась привести себя в порядок: поправить волосы, стянуть опять некстати распахнувшийся разрез платья, обнаживший колено. Она всегда заслуженно гордилась своими ногами безупречной формы. Да и фигура у нее была великолепна, несмотря на двоих детей. Ей не раз говорили, и не просто в качестве комплимента, что такое впечатление, будто древние греки всю классику ваяли с нее.

– Меня зовут Янта. Спасибо вам. Если бы не вы...

Она замолчала и судорожно всхлипнула, представив, где бы сейчас могла оказаться.

– Успокойтесь, уже все позади. Они нас не догнали и не найдут.

– Не представляю, как я могу вас отблагодарить.

Янта не знала, что ей делать дальше. Выходить из машины не хотелось, чтобы не потерять ощущение покоя и полной безопасности, возникшее у нее. Она посмотрела в окно и спросила:

– А где мы?

– У шведского консульства. Мы даже успеваем к началу банкета.

– А откуда вы знаете про банкет? – растерянно спросила женщина.

– Так я же вместе с вами на конференции был, и тоже на банкет ехал, – оживленно заговорил мужчина. – Серафим Сергеевич Воронов, рентгенолог из Томска. Мне очень понравился ваш доклад, я даже хотел подойти к вам, но не нашел вас сразу. А сейчас вот еду, вдруг вижу – вы на тротуаре сидите, и мафиозная машина рядом. Вот я и сориентировался. А сейчас пойдете внутрь.

С этими словами мужчина вышел из машины, обошел кругом, открыл дверцу и подал Янте руку. Ей ничего не оставалось, как опереться о протянутую руку, выйти из машины и торжественно проследовать вместе со своим спутником в гостеприимно раскрытый парадный подъезд консульства. На входе стоял швейцар, а неподалеку грозно маячила охрана. Мужчина предъявил точно такое же приглашение, как у Ян-

ты, рассеяв ее последние сомнения. Ну да, на конференции врачей-рентгенологов была уйма народу. Конечно, она могла и не заметить его в зале, где сидели, бродили, пили кофе из пластиковых чашечек и беседовали более сотни людей.

Глава 7. Вадим

По мере того как Вадим вспоминал и восстанавливал историю своей жизни, многие вещи, события и ситуации прояснялись. Приходило понимание, что все было не случайно. Появлялись определенные люди, что-то происходило с их участием, потом они могли уйти в прошлое, оставив по себе лишь память. Притягивались или отталкивались некие события, заставляя Вадима делать выбор. Теперь он не терзался сомнениями насчет ошибочности, четко видя, что сам выбирал линию поведения, исходя из прошлого опыта. Пройдя по линии времени несколько дальше, можно было бы поступить иначе, но не в тот момент. Многие скрытые мотивы поступков окружающих людей сейчас становились настолько очевидны, что было непонятно, как он не догадался о них раньше.

История его семьи тоже предстала перед Вадимом в ином свете. Его отец, среднего роста, черноволосый, неотразимо действовал на женщин. Они слетались к нему, как бабочки на пламя свечи, и так же быстро сгорали. Отец был умен, остроумен, правда, несколько грубовато-пошловат, как говорила мать, вспоминая чью-то цитату: «Фи, поручик! Ваш армейский юмор...» Проведя большую часть жизни в небольших гарнизонах, отец не растерял профессиональный лоск высшего военно-медицинского образования, полученного в

Ленинграде.

После того как мать ушла от отца, не выдержав постоянных измен, он уехал, получив место по протекции в Военно-медицинской академии в Ленинграде же. Видимо, ему помогла очередная любовница, имевшая влияние на кого-то из высшего командования. А Вадим с матерью еще несколько лет прожил в гарнизонном городке. Мальчик иногда выступал с сольными концертами в доме культуры, после которых, как он стал понимать, творились настоящие чудеса. Люди приезжали издалека и осаждали их дом, пытаясь уговорить или подкупить его мать и самого Вадима, иногда угрожали, заставляя, упрасывая и умоляя его спеть для них индивидуально. Говорили, что он избавляет людей от всех болезней, даже неизлечимых. Вадим помнил, что его страшно пугали увечные и калечные больные, подстерегавшие его по утрам, когда он шел в школу. Особенно боялся он одногоного инвалида, который постоянно приставал к нему, пытаясь схватить и облобызать руку. В результате матери пришлось отводить мальчика в школу, разгоняя толпу страждущих. Вадим только вздрагивал и пугливо вжимал голову в плечи, когда кто-то вскрикивал особенно громко или пытался до него дотронуться.

В конце концов, озабоченный таким назойливым неуставным паломничеством, командир гарнизона вызвал к себе мать Вадима и имел с ней серьезный разговор, после которого она пришла домой и долго плакала злыми слезами. За-

тем она накричала на Вадима, робко пытавшегося ее утешить, и даже дала ему крепкий подзатыльник. Ее уволили в один день, так как она была вольнонаемная, работала в гарнизонной канцелярии делопроизводителем, хотя имела высшее образование инженера-химика. Ей предложили в течение трех суток покинуть городок. Ехать некуда, она была детдомовская, и, скрепя сердце, мать позвонила отцу. Отец, надо отдать ему должное, сразу же предложил переехать в Петербург, обещал помочь с жильем и с работой.

Так Вадим переселился в большой город, и как-то сами собой прекратились его певческие сеансы. Просто было некогда и негде. Он пел сам для себя, когда был один. Мать теперь неизменно начинала кривиться и плакать, если это происходило при ней. Отец сдержал обещание и выхлопотал им крошечную комнатку в офицерском общежитии. Мать устроилась на работу в ближайшую библиотеку, в общем, как-то худо-бедно зажили. У отца уже была новая жена и маленькая дочь Катька. Он стал часто приглашать Вадима к себе в гости, оставлял на выходные. И дети сдружились. Катька стала на долгое время лучшей и единственной подружкой Вадима, несмотря на разницу в возрасте.

Отец стал проявлять к сыну какую-то болезненную заботливость и любовь. Он настаивал на том, чтобы Вадим приезжал почаще, расчесывал мальчику волосы, сам стриг его, пытался усаживать к себе на колени. Вадим злился и смущался от такого не подходящего для его возраста проявле-

ния отцовских чувств. Довольно быстро мальчик подружился со сводной сестренкой Катей.

Новая жена отца подходила под расхожее определение «курица». Она была хорошенькая, маленькая, глупенькая и пухленькая. Светлые кудрявые волосы обрамляли ее лицо. Будучи в курсе не прекращающихся любовных походов мужа, она строила из себя дурочку, а может, и была ею. Она постоянно улыбалась, прямо-таки лучилась счастьем, старалась подружиться с каждой очередной пассией мужа, вводила их в дом, послушно уезжала, когда муж этого желал, оставляя новую «подругу» наедине с супругом. Всегда возвращалась не раньше указанного времени, готовила, мыла, стирала, убирала, водила Катю на разные кружки и секции, зачарованно прикусив мизинец, смотрела в рот мужу, когда он изрекал очередную «мудрую» мысль.

Казалось, эта женщина совсем не имеет никакой своей жизни, она все время и все свои интересы посвящала мужу и дочери. К Вадиму она относилась хорошо, но держалась отстраненно. Было件нятно, что она его просто терпела. Сейчас, просматривая этот период своей жизни, Вадим с изумлением узнал, что отец женился на этой женщине из какой-то извращенной жалости, когда она была на седьмом месяце беременности от другого мужчины. И воспитанная в строгих правилах, она страшно боялась быть опозоренной. Поэтому оставалась ему униженно благодарной за то, что он, как говорится, «покрыл грех», дав родившейся девочке свою фа-

милию. Катя, разумеется, об этом не знала. Зато теперь его умный, умеющий при случае блеснуть утонченностью и интеллектом, защитивший уже докторскую диссертацию, отец безнаказанно измывался над своей новой женой, унижая и оскорбляя ее. А она не смела даже плакать, будучи по натуре покорным и забитым существом. Оказалось, также, что отец неоднократно, будучи в пьяно-непотребном виде развлекался по ночам тем, что методично хлестал жену по щекам, заставляя после этого отдаваться ему. А она вынуждена была сносить это все молча, боясь разбудить дочь.

Лет в четырнадцать Вадим попробовал создать свою музыкальную группу. И это у него получилось. Нашлись еще два непризнанных таланта, один виртуозно стучал по всему, по чему можно и по чему нельзя, и мог «настучать» множество разных мелодий. Ему достались ударные. «Я – потомственный барабанщик!» – загадочно произносил он, но никогда не объяснял, почему.

Второй был саксофонист от Бога. Его едва ли не с трех лет обучали игре на саксофоне, потому что его родители были без ума от Чарли Паркера*.

*Чарли Паркер – американский джазовый саксофонист и композитор, 1920–1955 годы жизни, известнейший музыкант своего времени, оказавший большое влияние на развитие джазовой музыки. (*Примеч. автора.*)

Он мог играть, одновременно жонглируя инструментом, что всегда вызывало взрыв аплодисментов. И Вадим – чело-

век-оркестр, который мог вообще за несколько часов освоить любой незнакомый инструмент. Вадим был счастлив до невероятия, потому что получил снова возможность петь. Поначалу они играли, как это полагается, на школьных вечерах. Но известность быстро настигла их, и посыпались приглашения играть на свадьбах и днях рождения. Появились первые заработанные деньги, причем по тем временам довольно большие.

Глава 8. Где-то вне времени и пространства

Бесконечно простирающаяся во все стороны пустошь, кое-где песчаная, кое-где каменистая, ни травинки, ни деревца. Горизонта, впрочем, тоже не видно. Во все стороны равнина уходит вдаль, сколько хватает взгляда, и сливается безо всякого перехода с серыми небесами. То, что можно было бы с земной точки зрения назвать небом, представляет собой некую клубящуюся дымку, также не имеющую ни начала, ни конца. Мягкий рассеянный свет исходит одновременно отовсюду.

По равнине бестолково мотается туда-сюда некое существо, похожее одновременно на человека и какую-то встрепанную крупную птицу. По крайней мере, полоска белых перьев украшает его макушку, спускается по шее на спину и в районе лопаток расходится в стороны, образуя два больших крыла. В остальном же оно выглядит как молодой мужчина, лицо не лишено приятности, длинные светлые волосы скрывают уши и с двух сторон спускаются на грудь. Глаза большие, серые. Руки и ноги вполне человеческие. На нем серебристый комбинезон. Мужчина явно злится, поскольку лицо его кривится в гримасе гнева, губы что-то шепчут.

Внезапно он замирает, привлеченный появившимся из

ниоткуда сгустком света. Свет разгорается все ярче и ярче, постепенно принимая человеческие очертания, и вот уже рядом с существом материализовался Серафим.

– Мне передали, ты ищешь меня. Зачем? – усталым голосом спросил вновь прибывший.

– Как ты смеешь говорить со мной как с низшим?! Общайся телепатически! Зачем ты вмешался? Как ты посмел? – заорал птицеобразный мужчина.

– Я буду говорить, как мне удобней. Я не обязан отчитываться перед тобой, но, так и быть, поясню. Твоей подопечной грозила опасность. Тебя рядом не было. Я ждал до последнего, потом был вынужден вмешаться. Кстати, почему тебя не было в нужный момент?

Белокрылый несколько сник, но, помолчав, продолжил наступление.

– Подумаешь, немного задержался. Не было там никакой опасности, я осмотрел ситуацию. К ней подкатили обычные «казановы», они бы и сами отстали.

Серафим приблизился к белокрылому, взял его за плечи двумя руками и слегка зафиксировал в одном положении, глядя тому в глаза. Видно было, что он разозлен.

– Там! Были! Шарги!* Ты понимаешь это?!

*Шарк, шарки, (sharq) – юго-восточный горячий ветер типа сирокко, дующий из пустыни. Начинается внезапно, температура воздуха быстро поднимается иногда до 50 °С и выше. Ветер несет много пыли и песка, и продолжается иногда

несколько дней подряд. (Примеч. автора.)

Сим говорил тихо, очень спокойно, разделяя слова, но белокрылый испуганно зажмурился, его как будто опалило пламенем, такой жар бросился в лицо. Перья на макушке встали дыбом и слегка затрещали. Он вывернулся из рук Сима и шарахнулся в сторону, вяло замахал руками, как будто разгоняя дым. Голос его стал жалобным.

– Какие шарги? Всем известно, что шарги не могут принимать материальную форму.

Сим устало вздохнул и несколько раз встряхнул кистями, сбивая проявившиеся на ладонях язычки пламени. После этого он присел на возникшую из ниоткуда скамью и внимательно уставился на белокрылого. Помолчав немного, он сказал с некоторым удивлением.

– И где, интересно, ты добыл такие сведения? Шарги уже семь столетий как умеют принимать почти любую физическую форму, а особо продвинутые еще и создают клонов, как и было в случае с твоей подопечной. Там был высший шарг с двумя клонами, твоей подопечной было бы не выжить.

Белокрылый выглядел совсем жалко. Он стал как будто еще более потрепанным, крылья, до этого гневно расправленные, опустились. Он совсем тихо прошептал:

– Но она же не звала... Нас учили, что надо ждать зова...

– А думать вас не учили? Послушай, Рафаил, она молилась, как ты не услышал?

– Ты знаешь мое имя? – пораженно прошептал белокры-

лый. – Кто ты вообще такой?

– Меня зовут Серафим. Я – Хранитель Талантов. Я настоятельно советую тебе лучше присматривать за своей подопечной, ей предстоит выполнить важное дело.

С этими словами Серафим исчез, ослепив Рафаила яркой вспышкой света.

Глава 9. Янта

Спутник галантно провел Янту под руку по банкетному залу, где было накрыто множество столиков на шесть-восемь человек. Когда они подошли к столу, за которым уже сидели коллеги Янты, Серафим извинился, сослался на договоренность о встрече и как-то мгновенно растворился в окружающем многолюдье. Янта только было собралась его представить, но представлять было уже некого. Коллеги оживленно разговаривали, обсуждая прошедший конференционный день, доклады, а также наряды присутствующих. Янта быстро втянулась в беседу, и все произошедшее с ней по дороге отошло на задний план, стало каким-то призрачным.

Несмотря на то что ее любили и уважали на работе, женщина всегда чувствовала некое отчуждение, отстраненность от других людей. Впрочем, чувство одиночества в толпе было привычно для нее с детства. Она дружила со всеми, но в то же время и ни с кем. По-настоящему близких подружек или друзей у нее не было. Даже находясь в шумной, веселой компании сверстников, на вечеринке или на дискотеке, она всегда ощущала в себе некую часть, отстраненно наблюдающую за происходящим, но не принимающую в этом участия. Долго полагала, что так же чувствуют себя и все остальные люди. Очень удивилась, когда в подростковом возрасте стала понимать, что это не так.

Впрочем, что с ней что-то не так, Янта сообразила еще раньше, лет в десять. Она всегда воспринимала окружающий мир своим особым образом. Кроме танцев сверкающих пузырьков в атмосфере девочка видела вокруг много такого, чего не замечали другие. Она обращала внимание на причудливые разноцветные вихри, перемещающиеся вокруг животных и людей, всегда точно определяла, что у кого болит среди знакомых и близких. Будучи еще совсем крошкой, она подошла как-то раз к маминой подруге, зашедшей в гости, погладила ее по животу и сочувственно сказала:

– Тетя Надя, не плачь, а то маленький тоже плачет.

А через три недели тетя Надя с вытаращенными глазами прибежала к маме Янты и сообщила, что беременна. Позже мать запретила Янте говорить окружающим что-то о здоровье, но сама прибегала к помощи девочки, когда ей это было нужно для кого-то из знакомых. Мама спрашивала, но Янта не могла объяснить, как это выходит, что она всегда точно знает, где у человека что-то болит. Девочка просто видела в месте заболевания темные малиновые или бордовые пятна.

Так же Янта с детства знала, что она станет врачом. Для нее было невыносимо наблюдать, как люди страдают, она очень хотела всегда помочь, иначе сама начинала чувствовать себя плохо. Боль других становилась ее болью. Янта хорошо училась, и поступить в медицинский вуз для нее не составило труда. Учитывая свою, теперь уже тщательно скрываемую, способность видеть места локализации боли у дру-

гих, выбрала специализацией рентгенологию.

Еще на практике, учась в институте, Янта поражала преподавателей точностью постановки диагноза и грамотностью описания рентгеновских снимков. Иногда ее уточнения даже противоречили результатам обследования, но позже всегда подтверждались. Когда она по распределению пришла работать в одну из больниц, ее очень быстро стали называть «женщина-рентген». За консультацией к ней обращались врачи и пациенты со всего города. А потом стали приезжать и изда- лека.

Банкет тем временем проходил своим чередом. Посоль- ская кухня оказалась отменной, и Янта искренне наслажда- лась изысканной едой. Постепенно народ напивался и рас- крепощался, начались миграции присутствующих от столи- ка к столику. В зале зазвучала музыка, многие пары уже тан- цевали. Веселье набирало обороты. В какой-то момент Ян- та перешла к другому столу, куда ее пригласил бывший од- нокурсник. Они немного повспоминали студенческие годы, выпили по бокалу вина, затем однокурсника увлекла танце- вать подвыпившая хохочущая дама. Янта осталась за столи- ком с двумя мужчинами. Один из них был совсем ей не зна- ком. Другого, невысокого, лысеющего, но вполне моложаво- го брюнета она заочно знала. Это был отставной военный, директор и владелец крупного элитного медицинского цен- тра из ее родного города. Он был достаточно известной фи- гурой, интересовался новыми веяниями в медицине, имел

профессорское звание и печатался в серьезных медицинских журналах. Поговаривали, был не чужд политике. Янта видела его сегодня также в президиуме конференции, которую он частично спонсировал.

Мужчина с приветливой улыбкой сказал несколько комплиментов и предложил выпить за знакомство.

– Павел Павлович Сотников, я думаю, вы обо мне слышали, – вальяжно и уверенно представился он.

– Янтарина Валерьевна, – ответила Янта, почему-то опустив фамилию.

Мужчина приятно улыбнулся и взял Янту за руку. Его рука была сухой и теплой. Он слегка погладил большой палец Янты, наклонился к ней совсем близко и ласково, обволакивающе произнес:

– Для такой интересной женщины фамилия не обязательна, фамилия – это банальность. А вот ваше имя... Оно красивое и необычное. Откуда такое?

– О, это просто! – рассмеялась Янта. – Мама очень янтарь любила. Когда они с папой проводили отпуск на рижском взморье, папа нашел необыкновенно крупный и красивый янтарь и подарил его маме. И в это же лето мама забеременела мной. Так и назвали меня: папин подарок – Янтарина. Потом в ЗАГСе долго не хотели регистрировать такое имя. Говорили, что не бывает таких имен. Пришлось родителям побороться с администрацией. Но, в конце концов, они победили.

– Вы действительно – подарок, подарок судьбы. Мне хочется вас украсть.

Мужчина снова наполнил бокалы. Янтарина весь вечер практически не пила, но сейчас под влиянием мягких угворов, расслабляющих комплиментов, явного восхищения, исходящего от Сотникова, приканчивала уже третий бокал какого-то необычайно вкусного красного вина. В ходе разговора выяснилось, что они остановились в одной гостинице, только Сотников в номере люкс, а Янта в стандартном.

– А давайте прогуляемся по городу, я покажу вам ночную Москву, – неожиданно предложил Павел Павлович. – А потом вместе вернемся в отель.

Янта согласилась, все равно банкет подходил к концу, народ постепенно расходился. Когда они вышли из здания консульства, ночь встретила их бархатным теплом и многочисленными огнями. Город жил своей завлекательной ночной жизнью. Янте на мгновение показалось, что слева от входа стоит ее сегодняшней знакомый – Серафим, но, когда она моргнула, мужчина исчез. Сотников, даже не потрудившись вытянуть руку, сделал манящее движение пальцем, и к ним тут же подъехала машина. Он что-то сказал водителю, усадил свою спутницу на заднее сидение, сам сел на переднее, и они поехали. Тут же, повернувшись назад, Павел Павлович предложил называть его просто по имени. Сам-то он сразу стал обращаться к Янте – Янтарина. В его произношении «р-р» звучало чувственно и рокошуще. Так, наверное, мог

бы слегка порывивать большой сытый сильный зверь семейства кошачьих – тигр или лев, пришла Янте странная мысль. «Ты вроде бы добыча, но ему сейчас есть не хочется. Он тебя оставил на потом», – продолжала она думать, сонно покачиваясь на сиденье автомобиля.

Глава 10. Вадим

Вадим дождался очередного появления Сима с твердым намерением задать кучу вопросов. В его самоисследовании и восстановлении событий своей жизни наступил неожиданный перерыв. Как будто он приблизился к некой запретной черте и не мог двигаться дальше. Он чувствовал, что приближается к чему-то важному, это и страшило, и привлекало. Но перейти эту незримую черту он самостоятельно не мог. Как только пытался вспомнить последний восемнадцатый год своей жизни, его охватывал дикий ужас, казалось, что он стоит на краю бездонной пропасти. В эту пропасть было невозможно даже заглянуть, там клубилась черная мгла, пробегали огненные ручейки, во рту становилось отвратительно солоно и горько, и дыхание перехватывало от странного, омерзительного, ни на что не похожего запаха. Для себя Вадим определил этот запах словосочетанием «сдохла алюминиевая кошка». И несмотря на то, что алюминиевая гниет и воняет. Алюминиевый привкус явственно ощущался на языке. Определение было дурацкое, нелогичное, но ничего другого на ум не приходило.

Занятый своими попытками справиться с этим ужасом, Вадим пропустил приход Сима, и очнулся, только услышав его слова:

– Теперь ты знаешь вкус и запах смертельного страха.

Вадим зябко передернулся. Когда Сим сказал, что сегодня хочет показать ему кое-что, и что воспоминаний и «работы над ошибками» сегодня не будет, Вадим воспринял это с радостью. Он мысленно поблагодарил судьбу за этот неожиданный «выходной».

Сим не стал ничего объяснять, взял Вадима за руку и решительно зашагал к краю поляны, увлекая парня за собой. Вадим слегка напрягся, когда они погрузились в белую плотную завесу тумана, окружавшего тот крошечный островок реальности в виде лесной поляны с домиком, где он существовал. Но в следующий миг с изумлением обнаружил себя как бы парящим на огромной высоте. Он не был испуган, скорее полон любопытства. Картина была захватывающая. В необозримом пространстве вокруг них, как ниже, так и выше плыли, качались, мерцали, тихо кружились мириады облачных островов.

«А способ передвижения здесь – полеты при помощи мысли. У тебя хорошо получается. Так же, как с телепатической речью», – услышал он в голове голос Сима, парившего рядом с ним.

Каждый остров отличался своим видом от других. На некоторых виднелись различные строения, другие были покрыты растениями. Ни один из этих кусочков пейзажа не повторялся. При более внимательном рассмотрении оказалось, что на каждом облаке-островке находится человек. Люди эти занимались чем-то непонятным для Вадима, но, види-

мо, очень важным, так как не обращали ни на что внимания. Сим продолжал крепко держать Вадима за руку, паря рядом с ним. В голове у Вадима снова зазвучал голос Сима: «Здесь действует только телепатический контакт, поэтому слушай внимательно, все вопросы задашь позже. Это место отведено специально для людей, которые совершили ошибки, разрушили свою жизнь, убили себя, не исполнив предназначенное. Но они хотят понять и исправить это. И у них есть шанс двигаться дальше. В общем, они делают то же, что и ты. Изучают свою жизнь, вспоминают, готовятся исправлять ошибки. Слово «карма» ты знаешь. Так вот, они работают со своей кармой».

«А если человек убийца не себя, а других?» – мысленно спросил Вадим. «Если преднамеренно и целенаправленно, тогда такой человек после смерти попадает на низшие уровни Надземного, в обиталище отдавших себя служению тьме. Поскольку уже на Земле он был темным. Ему будет намного труднее вырваться. Мы противостояим темным служителям, тем, кто сеет зло и разрушение. Но это испокон веков так было. Во всех верованиях и мифах так или иначе отражено противоборство злых и добрых сил. Хотя на самом деле все происходит не совсем так, как представляют себе люди», – последовал ответ.

В этот момент они приблизились к одному из островов, проплывавших мимо. Вадим увидел худенького темнокожего подростка, наверное, своего ровесника. Его островок

представлял собой кусочек пустыни с желтым, даже на вид горячим песком, и несколькими крупными каменными глыбами. Из-под одной из них бил небольшой родник. Юноша сидел на песке, скрестив ноги в позе лотоса, в тени одного из камней. «Откуда тут жара, тень, ведь солнца не наблюдается», – подумал Вадим. Юноша внимательно читал большую книгу, лежащую перед ним на песке. Вадим заинтересовался содержанием книги и дернулся, пытаясь подлететь поближе. Сим удержал его, и в голове опять прозвучал его голос: «Ты можешь увидеть, если расфокусируешь зрение. Смотри рассеянным взглядом, как будто сквозь предметы, но в центре оставь только книгу». Вадим последовал этой рекомендации. Получилось не сразу, но вдруг зрение странным образом перестроилось, все окружающие предметы расплылись и стали нечеткими, зато удивительно ясно он увидел страницу книги. Он прочитал:

«Общаются обитатели астрального мира исключительно при помощи телепатии, и такой метод исключает недоразумения и недопонимание, порождаемые письменным или устным словом. Астральные существа в чем-то подобны персонажам фильма на экране, которые движутся и действуют, хотя на самом деле не дышат, ибо являются лишь проекцией светового луча на киноэкране. Так и астральные существа: они – разумные световые образы, и для жизни им не нужна энергия кислорода. Жизнь человека зависит от различных твердых, жидких, газообразных веществ и энергии. Астраль-

ные же существа живут главным образом за счет космического света»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.